

ILMIY-AMALIY JURNAL

Impact Factor: 5.394

ISSN 2181-0958

DOI 10.26739/2181-0958

YURISPRUDENSIYA

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ | JURISPRUDENCE

7 JILD, 2

2026

YURISPRUDENSIYA

7 ЖИЛД, 2 СОН

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ТОМ 7, НОМЕР 2

JURISPRUDENCE

VOLUME 7, ISSUE 2

Bosh muharrir:
Главный редактор:
Chief Editor:

SALAEV NODIRBEK
O'zbekiston Respublikasi Odil sudlov akademiyasi
professor, Yuridik fanlar doktori.

Bosh muharrir o'rinbosari:
Заместитель главного редактора:
Deputy Chief Editor:

RUSTAMBEKOV ISLAMBEK
Toshkent davlat yuridik universiteti
Yuridik fanlar doktori, professor.

TAHRIRIY HAY'AT A'ZOLARI | РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ |

Mas'ul kotib | Ответственный секретарь | Responsible secretary:

DAVRONOV ATOBEK
Toshkent davlat yuridik universiteti jinoyat-protsessual huquqi kafedrasida o'qituvchisi,
PhD yuridik fanlari bo'yicha falsafa doktori.

KARIMOV FARHOD
Siyosiy fanlar doktori, dotsent,
A. Avloniy nomidagi
Malaka oshirish instituti prorektori;

BAZAROVA DILDORA
Toshkent davlat yuridik universiteti
yuridik fanlar doktori, professor;

IMOMOV NURILLO
Toshkent davlat yuridik universiteti fuqarolik huquqi
kafedrasida mudiri, yuridik fanlar doktori, professor;

KHAIRIEV NODIRJON
O'zbekiston Respublikasi Jamoat xavfsizligi universiteti
professori, yuridik fanlar doktori, dotsent;

NEMATOV JURABEK
Toshkent davlat yuridik universiteti
ma'muriy va moliyaviy huquq kafedrasida
dotsenti, yuridik fanlar doktori, dotsent;

ISMAILOV SHUKHRATJON
Toshkent davlat yuridik universiteti mehnat
huquqi kafedrasida mudiri, yuridik fanlar doktori;

KHABIBULLAEV DAVLATJON
Toshkent davlat yuridik universiteti fuqarolik
protsessual va xo'jalik protsessual huquqi kafedrasida
mudiri, yuridik fanlar nomzodi, professor;

OCHILOV KHASAN
Yuridik fanlari bo'yicha falsafa
doktori (PhD), dotsent;

IBROKHIMOV JAMSHID
Yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD);

GAFUROVA NOZIMAKHON
Toshkent davlat yuridik universiteti xalqaro
huquq va inson huquqlari kafedrasida mudiri,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD), dotsent;

NARZIEV OTABEK
Toshkent davlat yuridik universiteti xususiy
xalqaro huquq kafedrasida i.o. professori,
yuridik fanlar doktori;

MUSAEV BEKZOD
Toshkent davlat yuridik universiteti
konstitutsiyaviy huquq kafedrasida mudiri, yuridik fanlar
bo'yicha falsafa doktori (PhD), dotsent;

MURATAEV SERIKBEK
Jahon iqtisodiyoti va diplomatiya universiteti dotsenti,
yuridik fanlar nomzodi;

KAMALOVA DILDORA
Yuridik fanlar doktori, professor;

YUSUPOV SARDORBEK
Toshkent davlat yuridik universiteti ma'muriy va
moliyaviy huquq kafedrasida mudiri, yuridik fanlar bo'yicha
falsafa doktori (PhD), yuridik fanlar doktori, dotsent;

KHUJAEVA SHOKHJAKHON
Toshkent davlat yuridik universiteti
intellektual mulk huquqi kafedrasida mudiri,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD);

CHORIEVA DILBAR
dotsent, yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD).

Page Maker | Верстка | Sahifalovchi: Xurshid Mirzaxmedov

Editorial staff of the journals of www.tadqiqot.uz
Tadqiqot LLC The city of Tashkent,
Amir Temur Street pr.1, House 2.
Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; Email: info@tadqiqot.uz
Phone: (+998-94) 404-0000

Контакт редакций журналов. www.tadqiqot.uz
ООО Тадqiqot город Ташкент,
улица Амира Темура пр.1, дом-2.
Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; Email: info@tadqiqot.uz
Тел: (+998-94) 404-0000

МУНДАРИЖА | СОДЕРЖАНИЕ | CONTENT

1. АНТИМОНОПОЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНТИКОНКУРЕНТНЫХ СОГЛАШЕНИЙ ПРИ АЛГОРИТМИЧЕСКОМ ЦЕНООБРАЗОВАНИИ	5
Курбонова Комилабону Рамзбек кизи	
2. МЕДИАЦИЯ В ТРУДОВЫХ СПОРАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА УЗБЕКИСТАНА, США И СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА.....	14
Мавлонова Нигина Баходировна	
3. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН.....	23
Бозорова Заринабону Олимжон кизи	
4. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕДИАЦИИ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА.....	36
Мавлонова Нигина Баходировна	
5. РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН: ПРАВОВЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	47
Абраев Хасан Чориевич, Чориева Дурдона Хасановна	
6. ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННАЯ СВЯЗЬ В НЕМЕЦКОМ И УЗБЕКСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	54
Алиев Бобур Шерзодович	
7. МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ, ОСНОВАННЫХ НА ЦИФРОВЫХ АКТИВАХ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН.....	64
Шодмонова Муслимахон Йигиталиевна	
8. УЮШГАН ЖИНОЯТЧИЛИК МИЛЛИЙ ХАВФСИЗЛИККА ТАХДИД.....	74
Дўстов Мамарасул Абдуллаевич	
9. АЙБГА ИҚРОРЛИК ТЎҒРИСИДА КЕЛИШУВ: ХОРИЖИЙ ВА МИЛЛИЙ ТАЖРИБА ҚИЁСИЙ ТАҲЛИЛИ.....	82
Яхё Махмудов	
10. КВАЗИСУБЪЕКТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ГЕНЕЗИС, ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ.....	85
Абдужабборов Жавлонбек Пахлавон угли	
11. PROBLEMS OF THE FIDUCIARY DUTY OF MAJORITY SHAREHOLDERS IN UZBEKISTAN.....	94
Asliddin Ataullo ugli Habibullayev	

КВАЗИСУБЪЕКТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ГЕНЕЗИС, ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.21498843>

Абдужабборов Жавлонбек Пахлавон угли

Abdujabborovjavlonbek02@gmail.com

Преподаватель в Cyber University

Соискатель учёной степени доктора философии (PhD) при Ташкентском государственном юридическом университете

Аннотация: Институт квазисубъектов в гражданском праве представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся правовых категорий, отражающих непрерывающуюся адаптацию правовой системы к меняющимся социально-экономическим условиям. На протяжении столетий юриспруденция неизменно сталкивалась с необходимостью регулировать правовое положение образований, которые, не обладая полноценной правосубъектностью в традиционном смысле, тем не менее были способны порождать юридически значимые последствия. Настоящая статья посвящена историко-правовому анализу генезиса и трансформации института квазисубъектов — от правовых фикций Древнего Рима до современных дискуссий о правовом статусе искусственного интеллекта и животных.

Ключевые слова: квазисубъект, правосубъектность, юридическое лицо, *persona ficta*, *rescuius*, правовая фикция, искусственный интеллект, правовой статус животных, пандектизм, советское гражданское право.

FUQAROLIK HUQUQIDA KVAZI-SUBYEKTLAR: GENEZIS, TRANSFORMATSIYA VA ZAMONAVIY MUAMMOLAR

Abdujabborov Javlonbek Paxlavon o'g'li

Abdujabborovjavlonbek02@gmail.com

Cyber University Davlat universiteti professor- o'qituvchi

Toshkent davlat yuridik universiteti falsafa doktori (PhD) ilmiy darajasi mustaqil izlanuvchi

Annotatsiya: Fuqarolik huquqidagi kvazi-subyektlar instituti huquqiy tizimning o'zgaruvchan ijtimoiy-iqtisodiy sharoitlarga uzluksiz moslashuvini aks ettiruvchi eng dinamik rivojlanayotgan huquqiy kategoriyalardan birini tashkil etadi. Asrlar davomida huquqshunoslik an'anaviy ma'nodagi to'liq huquq subyektligiga ega bo'lmagan, biroq shunga qaramay yuridik ahamiyatga molik oqibatlar keltirib chiqarishga qodir bo'lgan tuzilmalarning huquqiy holatini tartibga solish zarurati bilan doimiy ravishda to'qnash keldi. Ushbu maqola kvazi-subyektlar institutining genezisi va transformatsiyasini tarixiy-huquqiy jihatdan tahlil qilishga bag'ishlangan —

Qadimgi Rimning huquqiy fiktsiyalaridan tortib, sun'iy intellekt va hayvonlarning huquqiy maqomiga oid zamonaviy munozaralargacha bo'lgan davrni qamrab oladi.

Kalit so'zlar: kvazisubъекt, huquq subyektligi, yuridik shaxs, persona ficta, peculium, huquqiy fiktsiya, sun'iy intellekt, hayvonlarning huquqiy maqomi, pandektizm, sovet fuqarolik huquqi.

QUASI-SUBJECTS IN CIVIL LAW: GENESIS, TRANSFORMATION AND CONTEMPORARY CHALLENGES

Abdujabborov Javlonbek Pakhlavon ugli

Abdujabborovjavlonbek02@gmail.com

Lecturer at Cyber University

PhD degree applicant at Tashkent State University of Law

Abstract

The institution of quasi-subjects in civil law represents one of the most dynamically developing legal categories, reflecting the law's continuous adaptation to changing socio-economic conditions. For centuries, jurisprudence has invariably confronted the need to regulate the legal standing of entities which, while lacking full legal personality in the traditional sense, were nonetheless capable of generating legally significant consequences. This article undertakes a historico-legal analysis of the genesis and transformation of the quasi-subject institution — from the legal fictions of Ancient Rome to contemporary debates on the legal status of artificial intelligence and animals.

Keywords: quasi-subject, legal personality, legal entity, persona ficta, peculium, legal fiction, artificial intelligence, legal status of animals, Pandectism, Soviet civil law.

1. ВВЕДЕНИЕ

Правовая наука на протяжении всей своей истории вынуждена была отвечать на один и тот же фундаментальный вызов: как регулировать отношения с участием образований, которые не вписываются в традиционную дихотомию «субъект — объект» права? Вопрос этот не является исключительно теоретическим. Он имеет сугубо практическое измерение, поскольку юридическая неопределённость порождает нестабильность гражданского оборота.

Понятие «квазисубъект» в цивилистической доктрине традиционно обозначает особую категорию правовых участников, наделённых ограниченной и производной правосубъектностью. Такие образования способны порождать правовые последствия, однако лишены атрибутов полноценного субъекта права — воли, сознания и способности самостоятельно нести юридическую ответственность ^[2]. Само происхождение термина глубоко символично: латинская приставка «quasi» означает «как будто», указывая на нечто, лишь внешне напоминающее подлинный феномен.

Актуальность темы определяется рядом взаимосвязанных обстоятельств. Технологические революции постоянно порождают новые субъектные формы, не укладывающиеся в готовые правовые схемы. Развитие искусственного интеллекта, расширение правозащитного дискурса применительно к животным, усложнение корпоративных структур — всё это возвращает исследователей к проблеме квазисубъектности. При этом понимание современных тенденций невозможно без обращения к историческим корням данного института.

Целью настоящей статьи является комплексный историко-правовой анализ эволюции института квазисубъектов в гражданском праве. Задачи исследования: выявить истоки концепции в римском частном праве; проследить её развитие в средневековой доктрине и германском пандектизме; рассмотреть специфику отечественных дореволюционного и советского подходов; охарактеризовать современные дискуссии о правовом статусе ИИ и животных.

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специально-юридических методов. Историко-правовой метод применялся для выявления закономерностей становления и трансформации института квазисубъектов. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить подходы различных правовых систем и доктринальных школ — римской, германской, российской — к решению схожих правовых проблем.

Формально-юридический метод использовался при анализе конкретных правовых конструкций и категорий. Системный подход обеспечил рассмотрение квазисубъектности не как изолированного явления, а как элемента общей системы субъектов права.

Источниковую базу составляют первоисточники римского права — «Институции Гая» и «Институции Юстиниана», — а также фундаментальные труды по истории права и цивилистической доктрине: работы В. Бакленда по римскому праву рабства, труды Ф. Шульца и Р. Циммермана, исследования Б. Тирни по средневековой правовой мысли, труды О. фон Гирке и Р. фон Иеринга, а также работы российских цивилистов — Д. И. Мейера, Г. Ф. Шершеневича, И. А. Покровского, С. Н. Братуся и О. С. Иоффе.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Истоки концепции квазисубъектности уходят корнями в античный Рим, где юристы впервые столкнулись с необходимостью признавать юридические последствия действий лиц и образований, не обладавших статусом полноценных субъектов права (*personae*) [1, 2]. Отличавшееся строгой формализацией, римское право выработало уникальный инструментарий правовых фикций (*fictio*), позволявших распространять правоспособность на искусственные образования — такие как казна (*fiscus*) или коллегии (*collegia*) [1].

Наиболее показательным проявлением квазисубъектности стало правовое положение раба (*servus*) и лиц под отцовской властью (*fili familias*) в сфере имущественных отношений. По фундаментальному принципу римского права, раб считался объектом права (*res*) — «говорящим орудием» (*instrumentum vocale*), лишённым правовой личности. Однако развивавшийся торговый оборот

диктовал необходимость создания механизмов, наделявших раба чертами субъекта. Этот парадокс — когда объект права де-факто совершал юридически значимые действия — стал одним из ранних воплощений квазисубъектности [2].

Ключевую роль сыграл институт пекулия (*peculium*) — имущества, выделявшегося господином (*paterfamilias* или *dominus*) рабу для самостоятельного управления и хозяйственной деятельности. Юридически пекулий оставался собственностью господина. Раб же фактически выступал «квазипредставителем», заключая сделки от имени господина в пределах выделенного имущества [3]. Как отметил В. Бакленд, раб в системе пекулия обладал «фактической правоспособностью при отсутствии правовой личности» — классическим признаком квазисубъекта, действующего в ограниченной правовой сфере.

Для защиты интересов третьих лиц преторское право ввело систему исков с подстановкой субъектов — *actiones adiecticiae qualitatatis*. Эти иски позволяли возлагать ответственность на господина за сделки, совершённые рабом, в пределах пекулия или в размере полученной выгоды: *actio de peculio*, *actio institoria*, *actio exercitoria* [4, 5]. Данные конструкции создавали категорию «квазипредставительства», приспособлявая право к экономическим реалиям без полного признания раба субъектом [6].

Наследство, ещё не принятое наследником (*hereditas iacens*), рассматривалось как временный квазисубъект, способный удерживать права и обязанности до момента принятия наследства [7]. Использование приставки «*quasi*» в оборотах *quasi ex contractu* и *quasi ex delicto* также свидетельствовало о прагматизме римских юристов: они создавали промежуточные категории для разрешения конкретных затруднений, не разрушая основополагающих принципов [4].

В Средние века развитие института квазисубъектов получило новый импульс от канонического права, стремившегося обосновать правовой статус церковных учреждений, монастырей, университетов и благотворительных фондов. Эти коллективные образования не вписывались в традиционную дихотомию «лицо — вещь». Ключевой фигурой стал Синибальдо де Фьески (будущий папа Иннокентий IV), сформулировавший в середине XIII века теорию «фиктивного лица» (*persona ficta*) [8].

Иннокентий IV пришёл к выводу, что корпорации (*universitates*) существуют исключительно в «интеллекте» юриста (*nomen iuris*). Корпорация лишена души, тела и воли, а потому не способна совершать деликты (*universitas non potest delinquere*). Из этого следовал практический вывод: корпорация не может быть отлучена от церкви, поскольку отлучение направлено на спасение души, которой фиктивное лицо не имеет [9]. Средневековая доктрина закрепила понимание коллективных образований как квазисубъектов — наделённых правоспособностью лишь в силу правовой презумпции, но лишённых воли, сознания и способности к нравственной ответственности.

Характерной чертой эпохи был принцип персональности права: правовой статус лица определялся его принадлежностью к тому или иному коллективу.

Многие средневековые цеха, общины и города существовали в статусе квазисубъектов, чья правовая личность была производна от королевских привилегий или церковных декретов [10]. Концепция *persona ficta* стала мостом между римскими фикциями и современными юридическими лицами, заложив основы теории искусственной личности [11, 8].

XIX столетие ознаменовалось расцветом германского пандектизма, внёсшего значительный вклад в развитие теории юридического лица и квазисубъектов. В этот период развернулась «великая полемика» между сторонниками теории фикции и сторонниками реальной (органической) теории. Фридрих Карл фон Савиньи утверждал, что юридическое лицо есть искусственное образование — фикция без реальных воли и сознания. Подлинными субъектами права являются лишь физические лица, тогда как юридические — лишь технический приём для удобства правового оборота [12].

Противоположную позицию занял Отто фон Гирке, разработавший органическую теорию. Он рассматривал юридическое лицо — прежде всего корпорацию (*Genossenschaft*) — как реальное социальное образование, обладающее собственной коллективной волей. По Гирке, корпорация не есть просто совокупность индивидов. Это живой организм, способный к самостоятельному существованию и действию [13, 14].

Рудольф фон Иеринг, критикуя теорию фикции, предложил «теорию цели»: юридическое лицо есть субъект, созданный для достижения определённой цели, а его интересы суть интересы физических лиц, ради которых оно учреждено [17, 16]. Полемика подчеркнула главное: между полноценным физическим лицом и объектом права существуют многочисленные промежуточные формы, требующие специального регулирования [15].

Российская дореволюционная цивилистика активно воспринимала идеи германского пандектизма, одновременно вырабатывая оригинальные концепции квазисубъектности. Д. И. Мейер рассматривал юридические лица как «искусственные личности», созданные для достижения конкретных целей. Их правоспособность ограничена теми задачами, ради которых они учреждены, — что сближало их с квазисубъектами [18].

Г. Ф. Шершеневич, в целом придерживавшийся теории фикции, признавал тем не менее необходимость юридических лиц для правового оборота. Их правовая личность производна от государства и ограничена законом — что также указывает на квазисубъектный характер по сравнению с физическими лицами [20, 19]. И. А. Покровский, критикуя обе теории, предложил рассматривать юридическое лицо как «социальный организм». Он уделял специальное внимание формам коллективных образований, не укладывавшихся в рамки юридического лица, — фактически описывая их как квазисубъекты [23, 22].

Российские цивилисты активно обсуждали статус крестьянской общины, артели и различных товариществ. Эти образования обладали определённой степенью имущественного обособления и способностью участвовать в обороте, однако не имели полной правовой личности юридического лица. Дискуссии

заложили основу понимания квазисубъектности как промежуточной категории для регулирования отношений с участием коллективных образований [21].

Советский период привнёс своеобразные черты в развитие института квазисубъектов. В условиях плановой экономики и государственной собственности возникла необходимость правового регулирования статуса трудовых коллективов и государственных предприятий. Трудовые коллективы, не признававшиеся юридическими лицами в полном смысле, наделялись тем не менее определёнными правами и обязанностями: участие в управлении, распределение фондов, контроль над администрацией. Их правовая личность была производна от государства и ограничена рамками публично-правовых отношений [24].

Государственные предприятия, формально являясь юридическими лицами, не обладали полной автономией воли. Всё имущество принадлежало государству. Предприятиям принадлежало лишь право оперативного управления или хозяйственного ведения — что порождало специфическую форму квазисубъектности. Ответственность предприятий нередко ограничивалась, а убытки покрывались из государственного бюджета [25, 26].

Дискуссии в советской цивилистике отличались значительной остротой. С. Н. Братусь отмечал, что правовая личность государственного предприятия — это «особая форма правосубъектности», не предполагающая ни имущественной самостоятельности, ни автономии воли [28, 27]. О. С. Иоффе указывал, что правосубъектность предприятия служила инструментом реализации государственных планов, а не выражением собственной хозяйственной инициативы [29]. Эти подходы подтверждали квазисубъектный характер государственных предприятий, чья правоспособность была производна, ограничена и подчинена государственным интересам.

Начало XXI столетия ознаменовалось появлением явлений, вновь поставивших перед юриспруденцией вопрос о границах правовой личности. Развитие искусственного интеллекта (ИИ) и робототехники требует ответа: можно ли признать эти сущности субъектами права или же следует рассматривать их как особые категории квазисубъектов? По мере того как системы ИИ становятся всё более автономными, способными к самообучению и «творческой» деятельности, возникает потребность определить их правовой статус. Дискуссии разворачиваются вокруг концепции «электронной личности», предложенной Европейским парламентом в 2017 году [30]. Сторонники этой идеи полагают, что для регулирования отношений с участием ИИ необходимо наделить его ограниченной правосубъектностью — для целей ответственности и обладания правами [31].

Большинство правоведов склоняется к позиции, согласно которой ИИ, при всей своей сложности, не обладает сознанием, волей и способностью к нравственной ответственности — ключевыми атрибутами полноценного субъекта права. Поэтому ИИ рассматривается как квазисубъект, чья правосубъектность была бы производной и ограниченной — например, для возмещения вреда или владения имуществом. Ответственность за действия ИИ

в конечном счёте возлагается на его создателя, владельца или оператора [32]. Концепция «электронной личности» функционирует в данном контексте как правовая фикция, позволяющая адаптировать действующие механизмы к новым реалиям, не разрушая устоев правовой системы [33, 30].

Животные также являются предметом пристального внимания в контексте квазисубъектности. Традиционно рассматривавшиеся как объекты права, они под влиянием роста правосознания в сфере защиты животных наделяются особым правовым статусом. В ряде государств — Швейцарии, Германии, Австрии — животные признаны не «вещами», а «живыми существами», на которых распространяются специальные защитные нормы [34]. Хотя животные не могут быть полноценными субъектами права, их особый статус сближает их с квазисубъектами: они выступают объектами правовой защиты, обладают охраняемыми «интересами» и могут быть «выгодоприобретателями» в отдельных правоотношениях. Ответственность за их действия несут владельцы — они порождают правовые последствия, не неся их самостоятельно [35].

4. ОБСУЖДЕНИЕ

Проведённый историко-правовой анализ свидетельствует о том, что категория квазисубъекта не является случайным правовым изобретением. Это универсальный и необходимый элемент правовой системы. На протяжении тысячелетий данная категория неизменно выполняла одну функцию: служить правовым мостом между традиционными схемами и новыми явлениями действительности, не поддающимися прямой правовой классификации.

Показательна устойчивость самой логики квазисубъектности. Будь то римский раб с пекулием, средневековая корпорация, советское государственное предприятие или современный ИИ-агент — во всех случаях прослеживается единая структура: производная правоспособность в ограниченной сфере; отсутствие полной автономии воли; переложение конечной ответственности на иного субъекта. Это позволяет рассматривать квазисубъектность не как временную аномалию, а как постоянный структурный элемент правопорядка.

Дискуссионным остаётся вопрос о необходимости «электронной личности» ИИ. Большинство исследователей указывает, что её признание создаёт риск размытия ответственности — формирования «безответственных» правовых субъектов [33]. Это воспроизводит ту же проблему, что была характерна для советских предприятий: формальная правосубъектность при фактическом отсутствии имущественной самостоятельности и автономии воли [28, 29]. Применительно к статусу животных концепция квазисубъекта, напротив, представляется доктринально более корректной, нежели полное признание правосубъектности. Законодательный опыт Германии, Австрии и Швейцарии органично вписывается в логику квазисубъектных конструкций [34].

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт квазисубъектов в гражданском праве прошёл длительный путь — от разрозненных правовых фикций Древнего Рима до сложной теоретической категории современной юриспруденции. На каждом историческом этапе данная

категория выполняла схожую функцию: обеспечивать включение новых явлений в правовое пространство, не разрушая классической системы субъектов права.

Анализ показывает, что квазисубъектность обладает устойчивыми признаками, сохраняющимися на протяжении всей её истории: производный характер правоспособности; ограниченность определённой целью; отсутствие полной автономии воли; опосредованный механизм ответственности. Именно эта структура отграничивает квазисубъектов как от полноценных субъектов права, так и от объектов права.

Современные вызовы — искусственный интеллект, роботизированные системы, переосмысление статуса животных — свидетельствуют о том, что проблема квазисубъектности далека от разрешения. XXI век придал ей новое измерение и особую остроту. Категория квазисубъекта выступает необходимым буферным механизмом — инструментом правовой адаптации, позволяющим праву отвечать на технологические и социальные вызовы, сохраняя устойчивость своих фундаментальных институтов и обеспечивая юридическую определённую в постоянно меняющемся мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Smith, W. (1875). A dictionary of Greek and Roman antiquities. John Murray.
2. Пономарева, Е. В. (2019). Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения (Диссертация кандидата юридических наук). Уральский государственный юридический университет.
3. Buckland, W. W. (1908). The Roman law of slavery: The condition of the slave in private law from Augustus to Justinian. Cambridge University Press.
4. Justinian. (533). The Institutes of Justinian (J. B. Moyle, Trans.). Clarendon Press.
5. Schulz, F. (1951). Classical Roman law. Clarendon Press.
6. Zimmermann, R. (1996). The law of obligations: Roman foundations of the civilian tradition. Oxford University Press.
7. Gaius. (c. 161). Institutes (F. de Zulueta, Trans.). Clarendon Press.
8. Tierney, B. (1982). Religion, law, and the growth of constitutional thought, 1150–1650. Cambridge University Press.
9. Panizo Orallo, S. (1973). Persona jurídica y ficción: Estudio de la obra de Sinibaldo de Fieschi (Inocencio IV). Ediciones Universidad de Navarra.
10. Simeon, L. (1967). The principle of the personality of law in the early Middle Ages. University of Miami Law Review, 21(2), 1–45.
11. Tierney, B. (1955). Foundations of the conciliar theory: The contribution of the medieval canonists from Gratian to the Great Schism. Cambridge University Press.
12. Kantorowicz, E. H. (1957). The King's two bodies: A study in mediaeval political theology. Princeton University Press.
13. Gierke, O. (1881). Das deutsche Genossenschaftsrecht. Weidmannsche Buchhandlung.
14. Gierke, O. (1900). Political theories of the Middle Age (F. W. Maitland, Trans.). Cambridge University Press.
15. Puchta, G. F. (1840). Lehrbuch der Pandekten. Weidmannsche Buchhandlung.
16. Windscheid, B. (1870). Lehrbuch des Pandektenrechts. Rütten & Loening.

17. Ihering, R. von. (1878). *Der Zweck im Recht*. Breitkopf & Härtel.
18. Мейер, Д. И. (1997). *Русское гражданское право* (3-е изд.). Статут. (Оригинальное издание 1855 г.)
19. Танимов, О. В. (2015). *Теория юридических фикций*. Юрлитинформ.
20. Шершеневич, Г. Ф. (1911). *Учебник русского гражданского права*. Издание Бр. Башмаковых.
21. Сабирова, Л. Л. (2010). *Общая теория права*. Учёные записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки», 152(6), 220–227.
22. Дювернуа, Н. Л. (1894). *Чтения по гражданскому праву*. Том 1: Введение. Учение о лице. Типография М. М. Стасюлевича.
23. Покровский, И. А. (1917). *Основные проблемы гражданского права*. Издание Юридического книжного склада «Право».
24. Закон СССР от 30.06.1987 № 7284-XI «О государственном предприятии (объединении)».
25. Сырых, В. М. (2001). *История государства и права России*. Юристъ.
26. Балицкий, К. С. (2020). *Влияние доктрины трудового права на формирование института трудового договора* (Диссертация кандидата юридических наук). Уральский государственный юридический университет.
27. Корельский, В. М. (1987). *Правосубъектность социалистических организаций*. Юридическая литература.
28. Братусь, С. Н. (1963). *Субъекты гражданского права*. Госюриздат.
29. Иоффе, О. С. (1975). *Развитие цивилистической мысли в СССР*. Издательство Ленинградского университета.
30. European Parliament. (2017). *Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL))*.
31. Незнамов, А. В., Наумов, В. Б. (2017). *Электронное лицо: быть или не быть?* Закон, (11), 12–25.
32. Головина, А. А. (2020). *Квасисубъекты права в современной теории правоотношений: понятие и перспективы развития в XXI в.* Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), (10), 150–160.
33. Ebers, M. (2020). *Regulating AI and robotics: Ethical and legal challenges*. In *Algorithms and law* (pp. 37–99). Cambridge University Press.
34. Favre, D. (2010). *Animal law: Welfare, interests, and rights*. Aspen Publishers.
35. Wise, S. M. (2000). *Rattling the cage: Toward legal rights for animals*. Perseus Books.

YURISPRUDENSIYA

7 ЖИЛД, 2 СОН

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ТОМ 7, НОМЕР 2

JURISPRUDENCE

VOLUME 7, ISSUE 2

Editorial staff of the journals of www.tadqiqot.uz
Tadqiqot LLC The city of Tashkent,
Amir Temur Street pr.1, House 2.
Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; Email: info@tadqiqot.uz
Phone: (+998-94) 404-0000

Контакт редакций журналов. www.tadqiqot.uz
ООО Тадqiqот город Ташкент,
улица Амира Темура пр.1, дом-2.
Web: <http://www.tadqiqot.uz/>; Email: info@tadqiqot.uz
Тел: (+998-94) 404-0000